

Ответственный редактор:
к.и.н. А.М. Скоробогатов

Редакционная коллегия:
к.и.н. А.М. Скоробогатов, Н.П. Гармидер-Прасолова, Е.П. Снегова, А.Н. Меркулов

Редакционный совет:
Р.А. Тюрин, к.и.н. В.А. Сарапулкин, А.В. Ерохин, к.и.н. В.Н. Ковалевский, к.и.н. А.Н. Голотвин

Рецензенты:
д.и.н. С.В. Васильев, к.и.н. Ю.Д. Разуваев

А87

Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года / отв. ред. к.и.н. А.М. Скоробогатов. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2016. – 460 с.

ISBN 978-5-00044-445-0

В настоящий сборник вошли материалы международной научной конференции «АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ», которая состоялась 18-20 декабря 2015 года в г. Воронеже. Данное мероприятие было приурочено к новейшим археологическим открытиям на территории Центральной России.

Структура сборника соответствует секционной работе конференции. Вошедшие в издание публикации в основной своей части посвящены актуальным проблемам археологии Восточно-Европейской лесостепи и сопредельных территорий. Не остались без внимания проблемы антропологии, истории археологических исследований, сохранения и популяризации историко-культурного наследия. Помимо известных в археологическом сообществе специалистов, в конференции приняли участие и те исследователи, которые делают свои первые шаги в науке.

Сборник предназначен специалистам-археологам, антропологам, историкам, студентам, краеведам, и всем, интересующимся древнейшим прошлым территории Восточно-Европейской лесостепи и сопредельных территорий.

УДК 902
ББК 63.4я73

Список литературы

1. Археологическая карта России: Курская область. Часть 1. Институт археологии РАН. 1998. 304 с.
2. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М.: Наука, 1987. Вып. 2. 200 с.
3. Верепожкина М.В. К вопросу о контактах населения Северной земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4 (16). <http://scientific-notes.ru/pdf/017-04.pdf>
4. Верепожкина М.В. Почвенная приуроченность поселений Посемья в IX–XIII вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. №3 (19). Том 2. <http://scientific-notes.ru/pdf/021-006.pdf>
5. Верепожкина М.В. Клад сельскохозяйственных орудий из деревни Сугрово // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011а. № 2. С. 84–88.
6. Горбаненко С.А., Журавльов О.П., Пашкевич Г.О. Сільське господарство жителів Пастирського городища. Київ: Академперіодика, 2008. 188 с.
7. Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д. Городище Курского района Курской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 16527а.
8. Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. // Архив КГОМА. 1993. Е 1-16.
9. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. – 352 с.
10. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сільське господарство на сло'вяно-хазарському порубіжжі. Київ, 2013. 236 с.
11. Краснов Ю.А. Рало из Токаревского торфяника // КСИА АН СССР. 1981. № 164. С. 58–65.
12. Краснов Ю.А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3. С. 63–80.
13. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. 236 с.
14. Мамонов В.С. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре // СЭ. 1952. № 4. С. 67–90.
15. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: «Российская политическая энциклопедия» [РОССПЭН], 2001. 384 с.
16. Узянов А.А. Отчет о раскопках Переверзевского II городища в 1980–1981 гг. // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 10628а.

УДК 903.4 (2)

С.И. Владимиров

**Наконечники копий населения лесостепной зоны
Дона-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв.
(салтово-маяцкая культура)**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наконечников копий населения салтово-маяцкой археологической культуры на территории лесостепи. Особое внимание в работе уделяется вопросам типологии и хронологии, а также поиску истоков форм наконечников копий. Источниковой базой служит материал погребений салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи и совершённых по различному обряду погребения.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, наконечники копий, хронология, комплекс вооружения, типология, лесостепь.

Abstract. The article is devoted to consideration of the spearheads of the population Saltovo-Mayatsky archaeological culture on the territory of forest-steppe. Special attention is paid to the issues of typology, chronology and to the search of the origin of the forms of spearheads. The work is based on the study of the material from the burials of Saltovo-Mayatsky culture, which were committed on different burial practices.

Key words: saltovo-mayaki archaeological culture, spearheads, chronology, weapons, typology, forest-steppe.

В состав вооружения населения Доно-Донецкого региона в VIII – нач. X вв. входило древковое оружие, представленное копьями.

В целом следует отметить, что не многие исследователи в своих работах обращались к изучению наконечников копий салтово-маяцкой культуры. На наш взгляд можно отметить три работы, в которых более-менее подробно были освещены вопросы хронологии, типологии и бытования копий в среде салтовского населения лесостепи (Крыганов, 1989, с. 101-103; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110-112). При этом в двух из них использовался материал, ограниченный одним памятником или серией погребений, совершённых по одному обряду (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110-112; Крыганов, 1989, с. 101-103). А статья А.В. Комара и О.В. Сухобокова по заверению самих авторов была подготовлена в «облегчённом» варианте, доступном не только специалистам-археологам, но и широкому кругу заинтересованных лиц, то есть статья имеет научно-популярный характер (Комар, Сухобоков, 2000). Это усиливает необходимость обращения к изучению копий, как составной части боевого набора, характерного для населения Доно-Донецкого региона в VIII – нач. X вв.

В нашем распоряжении находится сорок три наконечника копий, происходящих из погребений могильников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи и совершённых по различному обряду: интумации в ямах и трупосождения. Исследователи, касавшиеся в своих работах типологии наконечников копий салтово-маяцкой культуры в качестве типобразующих признаков выбирали форму лезвия копья и его сечения (Плетнёва, 1967, с. 160; Крыганов, 1989, с. 101; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 110).

Необходимо также учитывать опыт исследователей, обращавшихся к типологии наконечников копий, близких рассматриваемым в данной работе в хронологическом, территориальном и культурно-историческом планах. Так Г.А. Фёдоров-Давыдов, рассматривая наконечники копий кочевников Восточной Европы X-XIV вв., в качестве первичного признака для составления их типологии использовал форму пера (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 24). А.Н. Кирпичников изучая древнерусские наконечники копий IX-XIII вв. помимо формы лезвия учитывал ширину, способ крепления, а также соотношение лезвия и втулки (Кирпичников, 1966, с. 6). А.В. Циркин на мордовском материале, относящемся к I тыс. н.э., при типологии наконечников копий учитывал форму пера, сечение пера, особенности втулки и функциональную разновидность наконечников (Циркин, 1984, с. 124). Ю. С. Худяков при анализе наконечников копий древних тюрков обращался к сечению и форме пера (Худяков, 1986, с. 156-157). И.Л. Измайлов рассматривая оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. наконечники копий использовал при их типологии такие признаки как сечение и форму пера, а обращаясь к аналогичному материалу X-XIII вв. учитывал уже характер насада, особенности сечения и строения пера (Измайлов, 1989, с. 112; Измайлов, 1993, с. 77). В. Йотов анализируя наконечники копий болгар VII-XI вв. обращал внимание на сечение пера, форму острия и «низа», форму втулки (Йотов, 2004, с. табл. 11). У.Ю. Кочаров в основу выделения типов наконечников копий территории Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. положил соотношение длины наконечника к длине его пера (Кочаров, 2008, с. 46).

Таким образом, мы можем отметить, что большинство исследователей для составления типологии наконечников копий, прежде всего, использовали форму и сечение лезвия, при необходимости учитывая и другие признаки.

В своей работе мы предлагаем в качестве первичного признака использовать сечение лезвия, учитывая при этом форму лезвия и особенности строения наконечника в целом. С нашей точки зрения, именно изменение формы сечения пера стало следствием подвизек, произошедших в военном деле населения Донецко-Донского междуречья в рассматриваемый период.

Забегая вперёд, следует отметить, что все рассмотренные в данной работе наконечники копий втульчатые (за исключением наконечника с из погребения №482 Нетайловского могильника, атрибуция которого затруднительна из-за отсутствующего насада), поэтому такой признак как характер насада нами не был учтён. Таким образом, среди рассматриваемых наконечников были выделены отдели по сечению лезвия, типы по форме лезвия и подтипы по особенностям строения наконечника.

Отдел I: с ромбическим сечением лезвия.

Тип 1: с удлинённо-конической формой лезвия или пиковидные наконечники.

Подтип А: с уступами-плечиками на месте перехода втулки в лезвие.

К данному подтипу относится пятнадцать экземпляров (рис. 1, 1-15). Подобные наконечники были достаточно широко распространены в Восточной Европе. Они представлены в материале с территории Самарской Луки VII-VIII вв., а также в материале волжских болгар, в особенности для X-XIII вв. (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998, рис. 1-3, с. 164; Измайлов, 1989, рис. 3; Измайлов, 1993, рис. 2, 2-4; 3, 4-7). Аналогии можно найти среди древнерусских наконечников (Кирпичников, 1966, табл. IX, 9-11, 13). Также данный подтип встречается в финно-угорских материалах (Алихова, 1969, рис. 20, 11; Генинг, 1962, табл. XII, 5; Циркин, 1972, рис. 2, 9а; Циркин, 1984, рис. 2, 6). Аналогии содержатся в Ельскаевском кладе (Могильников, 1968, рис. 1, 14). В ранней группе погребений могильника Казазово (Тарабанов, 1983, рис. 1, 4). В могильниках VIII-X вв. Северо-Западного Предкавказья (Кочкаров, 2008, табл. XXVIII, 58-65, 67, 68).

Внутри данного подтипа три наконечника выделяются от остальных оформлением лезвия, однако в не меньшей степени они отличаются и друг от друга (Рис. 1, 9, 10, 11). Этот факт не позволяет отнести их к отдельному подтипу. Наконечник из погребения №101 Красной Горки аналогичен наконечнику из погребения №15 могильника Дюрсо и погребения №52 могильника Мыдлань-Шай (Дмитриев, 1979, рис. 2, 1; Генинг, 1962, табл. XII, 7). Наконечник из комплекса XVI Сухой Гомольши также имеет практически полные аналогии из погребений №26 и №31 могильника Дюрсо (Кочкаров, 2008, табл. XXV, 34; XXIX, 74). То же относится к наконечнику из погребения №1 могильника Лысый Горб, однако у него отсутствуют желобки вдоль лезвия.

Подтип Б: без плечиков, с плавным переходом от втулки к лезвию

Данный подтип представлен семью наконечниками (рис. 2, 1-7). Аналогии находятся в материалах волжских болгар X-XIII вв. (Измайлов, 1993, рис. 2, 5). Отдельные экземпляры находятся в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. IV, 11, 13; VII, 3; XXI, 7). Аналогичные наконечники известны в материалах мордвы (Алихова, 1969, табл. 9, 10; Циркин, 1984, рис. 2, 3, 5). Также данный подтип обнаружен в средневековом материале территории Верховьев Камы (Голдина, Кананин, 1989, рис. 57, 4). Встречены подобные наконечники в погребениях Верхнего Чирюрта (Магомедов, 1983, рис. 22, 10). К более позднему времени относится находка наконечника в кургане 4 курганной группы Гилево VII (Могильников, 2001, рис. 46, 10).

Подтип В: с резким переходом от втулки к лезвию

К данному подтипу относится три наконечника (рис. 2, 8-10). Аналогии известны в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. IV, 3; VII, 12). Похожие экземпляры находятся в материале мордвы и появляются в VIII в. (Алихова, 1969, табл. 24, 5; 25, 3; Циркин, 1984, рис. 2, 1, 2; с. 130). С территории Абхазии происходит несколько отдалённых аналогий (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 20, 27). Точная аналогия происходит из погребения №106 могильника Казазово, а также Дюрсо и Молдавановка (Тарабанов, 1983, рис. 1, 3; Кочкаров, 2008, табл. XXVI, 43, 45, 48, 49). Подобный наконечник найден в кургане 1 могильника Ближние Елбаны VIII (Худяков, 1981, рис. 2, 3).

Тип 2: с ромбовидной формой лезвия

Тип представлен двумя экземплярами (рис. 2, 11, 12). Аналогии находятся в древнерусском материале (Кирпичников, 1966, табл. VII, 5-7; VIII, 1-4). Сходный наконечник встречен в материале древней мордвы и погребениях Аверинского могильника (Смирнов, 1952, табл. XXXV, 3; Голдина, Кананин, 1989, рис. 57, 2). Точная аналогия наконечнику из погребения №233 могильника Сухая Гомольша происходит из Быстрого Истока и датируется IX-X вв. (Худяков, 1981, рис. 2, 2; с. 119).

Тип 3: с пламевидной формой лезвия

Тип представлен двумя наконечниками (рис. 2, 13, 14). Аналогия известна с территории Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 33). Один похожий наконечник был обнаружен в погребении Крюковского-Кужновского могильника VIII-XI вв. (Смирнов, 1952, табл. XXVIII, 11).

Три наконечника, отнесённые к данному первому отделу, дошли до нас в состоянии, не позволяющем достоверно определить их тип и подтип (рис. 2, 15-17).

Отдел II: с двухлопастным в сечении лезвием.

Тип 1: с листовидным лезвием

Представлен пятью экземплярами (рис. 3, 1-5). Аналогия известна из подгребного материала могильника Молдавановка (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 16).

Тип 2: с лезвием пламевидной формы

Тип представлен двумя наконечниками (рис. 3, 6, 7). Одна отдалённая аналогия с более чёткими изгибами лезвия находится в мордовском материале и относится к IX в. (Алихова, 1969, табл. 21, 9; Циркин, 1984, с. 130). Также аналогии с более короткой двухлопастной частью известны в материалах IV-VII вв. с территории Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2, 8, 34). Практически полная аналогия происходит из погребения №2 Молдавановки (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 15).

Наконечники второго отдела могут быть разделены по признаку наличия отверстий в лопатках. Однако существование подобных наконечников с отверстиями у основания лезвия установлено, например, для предскифской эпохи (Мелокова, 1964, с. 12). Наличие отверстий носило, вероятно, какое-то функциональное значение, которое могло возникнуть в любое время, в любой историко-культурной среде. Поэтому использование данного признака для типологических построений считаем неуместным.

Отдел III: с линзовидным в сечении лезвием.

Тип 1: с ланцетовидной формой лезвия

В исследуемой выборке представлен двумя наконечниками (рис. 3, 8, 9). Наконечники близкой формы известны в материалах древних тюрок и Нижнего Дона (Худяков, 1986, рис. 67, 6; Плетнёва, 1967, рис. 43, 6). Два наконечника IX-X вв. происходят с территории северо-западных предгорий Алтая (Могиляников, 2001, рис. 18, 6; 213, 1). Аналогия известна в древностях мордвы (Алихова, 1969, табл. 25, 7).

Тип 2: с остролистной формой лезвия

Данный тип представлен единственным экземпляром (рис. 3, 10). Отличительной чертой экземпляра является неполная сомкнутость втулки в её верхней части, тогда как у большинства остальных наконечников несомкнутой была нижняя часть втулки. Аналогии мы находим в материалах Правобережного Димлянского городища (Плетнёва, 1967, рис. 43, 5). Два схожих экземпляра обнаружены в древностях волжских болгар. Один такой наконечник И.Л. Измайлов отнёс к VIII-X вв., а второй – к X-XIII и (Измайлов, 1989, с. 112; рис. 3, с. 121; Измайлов, 1993, рис. 4, 6, с. 87).

Отдел IV: с овальным в сечении лезвием

Отдел представлен единственным экземпляром (рис. 3, 11). Ранняя аналогия происходит из Колосковского клада VI-VII вв. (Дяпушкин, 1961, рис. 87). К VII-VIII вв. относятся подобные наконечники Елькаевского клада (Могиляников, 1968, рис. 1, 12, 13). Ближайшую аналогию наконечнику данного отдела мы находим в степных древностях салтово-маяцкой культуры, происходящих из Правобережного Димлянского городища (Плетнёва, 1967, рис. 43, 4). Известны аналогии в степях Алтая (Худяков, 1981, рис. 2, 1, 4). Также отдельная находка относится к древнетюркскому материалу (Худяков, 1986, рис. 67, 5). Есть аналогии и в трупосожжениях Северо-Западного Предкавказья (Кочкаров, 2008, табл. XXIII, 20).

Рассмотренные наконечники копий различались друг от друга оформлением края втулки: с валиком и без, а также по расположению отверстия для крепления наконечника к древку: отверстие у края втулки и отверстие на небольшом выступе втулки, при этом форма выступов была различной. Указанные различия не были использованы нами при типологии наконечников в силу того, что более чем у трети рассмотренных наконечников повреждён край втулки. Однако следует отметить, что втулка практически половины наконечников (21 экземпляр) из рассматриваемой выборки была снабжена валиком.

Положение наконечников копий целесообразно определять только для ямных погребений. При кремации на стороне, характерной для практиковавшей обряд трупосожжения части населения салтово-маяцкой культуры, древко копий (если было) сгорало в погребальном костре, а наконечники с остальными предметами собирались и погребались вместе с золой. Из учтённых в данной работе ямных погребений положение наконечников удалось зафиксировать в четырёх из них, относящихся к Нетайловскому могильнику. Погребения №342 и №377 не содержали останков человека, однако по общему расположению предметов, в первом случае наконечник располагался справа от погребённого в углу могилы остриём вверх, во втором случае наконечник находился слева от погребённого также в углу могилы, но остриём вниз (Аксёнов, Хоружая, 2005, рис. 1, 8, 11). В погребении №522 наконечник лежал остриём вниз слева от погребённого по середине длины могилы, в погребении №525 наконечник занимал аналогичное предыдущему положение, только остриём вверх, в таком же положении находился наконечник из погребения №491 (Аксёнов, 2014, рис. 5; 2, 1; Аксёнов, 2010, рис. 1, 1). И если для погребений №342 и №377 можно предположить помещение в могилу целого копия вместе с древком, то в случае с погребениями №491, №522 и №525 наконечники либо отдельно были помещены в могилу, либо со сломанным древком. Сходные наблюдения можно сделать и на материалах захоронений кочевников Северного Прикаспия, древней мордвы, волжских болгар (Круглов, 2001, рис. 8, 15; 14, 1; Алихова, 1969, табл. 49, 1; Измайлов, 1989, с. 112).

В погребениях наконечники копий находились вместе с различными вещами, в том числе с оружием, в отличие от более позднего времени. Например, у $\frac{1}{4}$ мужчин, погребённых в XI-XII вв. с копьями, последнее являлось единственным оружием (Кирпичников, 1966, с. 19). О возможной причине этого отличия будет сказано ниже.

Из сорока трёх учтённых нами наконечников копий не все могли быть использованы для построения таблицы с целью выделения боевых наборов, в состав которых входили копия. Так три наконечника представляют собой подъёмный материал с территории Сухогомольшанского и Кочеток-

ского могильников (рис. 2, 7, 13, 17), также есть сомнения в принадлежности двух наконечников одному комплексу (рис. 3, 6, 8), и ещё о двух наконечниках из погребений Ржевского могильника у нас нет информации (рис. 2, 5; 3, 10). Таким образом, при построении таблицы было учтено тридцать шесть наконечников: двадцать шесть из погребений и поминальных комплексов, населения, практиковавшего трупосожжение; десять из ямных погребений.

Из таблицы видно, что в погребениях и комплексах, оставленных населением салтовомаяцкой культуры рассматриваемого региона, наконечники копий находились с другим оружием: сабля, палаш, топор, наконечник копья, кистень, дистанционное оружие (наконечники стрел, детали колчана, накладки на лук). Однако в некоторых погребениях и комплексах наконечники копий были единственным оружием, прежде всего, это относится к ямным погребениям. Не считая ножей, чаще всего наконечники копий были встречены с топорами. Однако топоры с наконечниками копий были встречены только в кремационных погребениях и поминальных комплексах, тогда как в ямных погребениях наконечники копий вместе с топорами не были встречены ни разу. Менее часто с наконечниками копий было встречено клинковое и дистанционное оружие, в одном случае наконечник находился в комплексе с кистенем.

Следует обратить внимание на распространённость в погребениях и комплексах с наконечниками копий деталей конской упряжи. Стремена, удила, начальники, детали сбруи (подпружные пряжки, фатары) были встречены в двадцати двух погребениях и комплексах из тридцати одного, использованного при построении таблицы I. Ещё в трёх из оставшихся находились сабли, являющиеся оружием, прежде всего конного воина. Таким образом, тридцать из тридцати шести наконечников, то есть 83% принадлежали всадникам. Однако такой высокий процент всё же не исключает возможность применения копья пешим воином.

С этой точки зрения интересны граффити салтово-маяцкой культуры. На меловом блоке Маяцкой крепости изображена сцена боя всадника, вооружённого копьём и клинковым оружием, и пешего воина (Флёрова, 1997, табл. II, 27). На костяном реликварии из городища Маяки изображён бой двух всадников, один из которых вооружён копьём (Флёрова, 1997, табл. X, 6). Также есть изображение, на котором копьём орудует пеший воин (Флёрова, 1997, табл. II, 34).

Важным для нас является вопрос об истоках форм наконечников копий населения Доно-Донецкой лесостепи во 2-й половине VIII – начале X вв. Дело в том, что в погребениях предсалтовского периода, связываемых с населением Хазарского каганата, крайне редки находки наконечников копий. Насколько нам известно, исключением является копьё, происходящее из комплекса вещей у Глодос (Плетнёва, 2003, с. 40). Редки находки копий и для древностей «праболгар» Средней Волги, не выходящих за рамки VIII в. (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998). Для населения, оставившего подкурганные «погребения с ровиками» наконечники копий не были характерны и были найдены лишь в одном погребении (Иванов, 2002, с. 38; Копылов, 1983, с. 121). Также исследователи неоднократно подчёркивали редкость находок наконечников копий в тюркских погребениях IX-X вв. (Худяков, 1981, с. 119; Худяков, 1986, с. 156). Всё это говорит о крайне низкой востребованности копья как оружия не только в лесостепной, но и в степной зоне Восточной Европы в предсалтовский период. Однако с середины-второй половины VIII в. в погребениях на территории лесостепи частой находкой становятся наконечники копий, в особенности с ромбовидным сечением лезвия.

Распространение копий на рассматриваемой территории связано с появлением в лесостепном Подонье и Подонцовье новых групп населения. Частые находки копий можно было бы связать с военными функциями рассматриваемого населения, однако этому предположению противоречит тот факт, что в катакомбах достоверно известен лишь один случай находки копья (Бабенко, 1914, с. 441, 443, 454). При этом в военных функциях населения, оставившего катакомбные могильники в лесостепи, сомневаться не приходится: об этом говорит его пограничное расположение и частые находки оружия в погребениях. Причины распространения копий именно в среде населения, оставившего кремации и ингумации в ямах следует искать в происхождении этого населения, его историко-культурном окружении до переселения в Доно-Донецкую лесостепь.

Для прояснения этого вопроса могут быть использованы аналогии. Вообще, что касается наконечников с ромбовидным сечением (Отдел I), то такого рода наконечники были распространены на огромных пространствах, в различных культурных средах. Соответственно причина такой «популярности» имела не локальный, а общий характер и была связана с распространением воинских доспехов, для пробивания которых лучше всего подходили наконечники с ромбовидным сечением. В особенности это относится к наконечникам первого и третьего типов, которые можно назвать пиками. Наконечники второго типа, видимо, имели две функции: в силу широкого лезвия они были эффективны при нанесении режущих ран, а ромбовидное сечение делало их эффективными при борьбе с воинами, защищёнными доспехами. Однако нельзя не учитывать возможность того, что бытование этих наконечников могло быть обусловлено попытками приспособить старые формы к изменившимся

ся реакциям в военном деле. Тем не менее, наконечники первого отдела не подходят для определения истоков форм, ввиду своего широкого распространения.

Исключения составляют два наконечника первого типа с лезвием, украшенным желобками и имеющие аналогии в материалах могильников Дурсо и Молдавановка, расположенных на территории Северо-Западного Предкавказья, а также в могильнике Мыдлань-Шай. Третий тип первого отдела может оказаться условным, так как одной из вероятных причин пламевидной формы лезвия могла быть его неоднократная заточка.

Наконечники второго отдела имеют многочисленные аналогии, происходящие с территории Абхазии и относящиеся к IV-VII вв. Также представительная серия аналогий данным наконечникам известна из кремаций Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. Единичные аналогии, однако без отверстий в лопастях, имеются в материалах древней мордвы и датируются IX в. Несмотря на находки данных наконечников в материалах раннего средневековья, принято считать их архаичными, так как они существовали в скифское и сарматское время (Мелокова, 1964, табл. 12, 4-14; Хазанов, 1971, табл. XXIV, 1, 2).

Наконечники с отверстиями данного отдела были найдены в комплексе с наконечниками первого отдела. Наличие двух копий в одном погребении говорило о различии в их назначении: второе копьё для охоты или для поражения противника с иным доспехом. Воин мог переменить копьё в битве или в случае потопки воспользоваться вторым наконечником (Кирпичников, 1966, с. 19). Отверстия в лопастях могли быть предназначены для подвешивания лент или флажков (Крыганов, 1989, с. 103).

Наконечники третьего отдела тяготеют в большей мере к степным, кочевническим древностям, в том числе салтово-маяцкой культуры. Следует отметить находки аналогий наконечника второго типа в материале волжских болгар, что отражает контакты между населением салтово-маяцкой культуры и волжскими болгарами.

Наконечники четвёртого отдела также тяготеют к степи, хотя имеют в лесостепи более ранние аналогии.

Что касается хронологии рассмотренных наконечников, то при её определении мы сталкиваемся с двумя трудностями: во-первых, представленная выборка невелика, что не позволяет проследить эволюцию типов; во-вторых, большинство находок копий датируется широко VIII-IX вв., что при отсутствии хронологии древностей салтово-маяцкой культуры делает сужение дат проблематичным. Тем не менее, отдельные погребения и комплексы с наконечниками копий были датированы более чётко, что при учёте аналогий даёт возможность провести некоторые наблюдения. Пиковидные наконечники были распространены в среде рассматриваемого населения в период 2-й половины VIII – начала X вв. Оба наконечника первого отдела второго типа встречены в комплексах 2-й половины VIII вв., но не исключается их существование в IX в., так как их восточные аналогии датируются IX-X (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 163-167; Худяков, 1981, с. 119). Также для раннего этапа салтово-маяцкой культуры следует считать наконечники второго отдела. Что касается наконечников первого типа третьего отдела, то их можно отнести к концу VIII – первой половине IX вв. Второй тип данного отдела по аналогиям и датировки Ржевского могильника больше тяготеет к IX в. (Сарапулкин, 2006, с. 202). Наконечник четвёртого отдела также по аналогиям можно датировать IX в., однако он был найден в комплексе с наконечником второго отдела.

В результате изучения наконечников копий населения Доно-Донецкого региона 2-й половины VIII – начала X вв. были сделаны следующие выводы.

В первую очередь следует отметить, что копьё как вид наступательного оружия был распространён, прежде всего, в среде населения, практиковавшего трупосожжения, а также среди части населения, оставившего ямные могильники. У населения, оставившего катакомбные могильники и связываемого с аланами, копьё не получило распространения и фактически отсутствовало в наборе вооружения.

С большой долей уверенности можно также сказать, что копьё в среде рассматриваемого населения входило в набор вооружения всадника. Находки наконечников копий в комплексе с другими предметами оружия, говорят скорее об отсутствии в воинской среде какой-либо специализации, связанной с использованием копья. Кавалерия пользовалась копьём при первой атаке, после которой оно могло сломаться или быть утеряно и тогда всадники пользовались другим оружием – саблём, топориком, кистень, лук со стрелами. При этом нельзя не отметить, что в ямных погребениях часто копьё было единственным оружием, однако для более конкретных выводов необходимо пополнение выборки наконечников копий из ямных погребений.

Наибольшее распространение получили копьё с ромбическим сечением лезвия, предназначенные для пробивания доспехов. При этом сосуществовали с ними наконечники с плоским и уплощённым лезвием, эффективные для борьбы с незащищённым доспехом противником.

Истоки форм наконечников копий, бытовавших в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во 2-й половине VIII-начале X вв. прежде всего, следует искать в материалах Северо-Западного Предкавказья предшествовавшего и синхронного времени существования салтово-маяцкой культуры.

ся реакциям в военном деле. Тем не менее, наконечники первого отдела не подходят для определения истоков форм, ввиду своего широкого распространения.

Исключения составляют два наконечника первого типа с лезвием, украшенным желобками и имеющие аналогии в материалах могильников Дурсо и Молдавановка, расположенных на территории Северо-Западного Предкавказья, а также в могильнике Мыдлань-Шай. Третий тип первого отдела может оказаться условным, так как одной из вероятных причин пламевидной формы лезвия могла быть его неоднократная заточка.

Наконечники второго отдела имеют многочисленные аналогии, происходящие с территории Абхазии и относящиеся к IV-VII вв. Также представительная серия аналогий данным наконечникам известна из кремаций Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. Единичные аналогии, однако без отверстий в лопастях, имеются в материалах древней мордвы и датируются IX в. Несмотря на находки данных наконечников в материалах раннего средневековья, принято считать их архаичными, так как они существовали в скифское и сарматское время (Мелокова, 1964, табл. 12, 4-14; Хазанов, 1971, табл. XXIV, 1, 2).

Наконечники с отверстиями данного отдела были найдены в комплексе с наконечниками первого отдела. Наличие двух копий в одном погребении говорило о различии в их назначении: второе копьё для охоты или для поражения противника с иным доспехом. Воин мог переменить копьё в битве или в случае потопки воспользоваться вторым наконечником (Кирпичников, 1966, с. 19). Отверстия в лопастях могли быть предназначены для подвешивания лент или флажков (Крыганов, 1989, с. 103).

Наконечники третьего отдела тяготеют в большей мере к степным, кочевническим древностям, в том числе салтово-маяцкой культуры. Следует отметить находки аналогий наконечника второго типа в материале волжских болгар, что отражает контакты между населением салтово-маяцкой культуры и волжскими болгарами.

Наконечники четвёртого отдела также тяготеют к степи, хотя имеют в лесостепи более ранние аналогии.

Что касается хронологии рассмотренных наконечников, то при её определении мы сталкиваемся с двумя трудностями: во-первых, представленная выборка невелика, что не позволяет проследить эволюцию типов; во-вторых, большинство находок копий датируется широко VIII-IX вв., что при отсутствии хронологии древностей салтово-маяцкой культуры делает сужение дат проблематичным. Тем не менее, отдельные погребения и комплексы с наконечниками копий были датированы более чётко, что при учёте аналогий даёт возможность провести некоторые наблюдения. Пиковидные наконечники были распространены в среде рассматриваемого населения в период 2-й половины VIII – начала X вв. Оба наконечника первого отдела второго типа встречены в комплексах 2-й половины VIII вв., но не исключается их существование в IX в., так как их восточные аналогии датируются IX-X (Аксёнов, Михеев, 2006, с. 163-167; Худяков, 1981, с. 119). Также для раннего этапа салтово-маяцкой культуры следует считать наконечники второго отдела. Что касается наконечников первого типа третьего отдела, то их можно отнести к концу VIII – первой половине IX вв. Второй тип данного отдела по аналогиям и датировки Ржевского могильника больше тяготеет к IX в. (Сарапулкин, 2006, с. 202). Наконечник четвёртого отдела также по аналогиям можно датировать IX в., однако он был найден в комплексе с наконечником второго отдела.

В результате изучения наконечников копий населения Доно-Донецкого региона 2-й половины VIII – начала X вв. были сделаны следующие выводы.

В первую очередь следует отметить, что копьё как вид наступательного оружия был распространён, прежде всего, в среде населения, практиковавшего трупосожжения, а также среди части населения, оставившего ямные могильники. У населения, оставившего катакомбные могильники и связываемого с аланами, копьё не получило распространения и фактически отсутствовало в наборе вооружения.

С большой долей уверенности можно также сказать, что копьё в среде рассматриваемого населения входило в набор вооружения всадника. Находки наконечников копий в комплексе с другими предметами оружия, говорят скорее об отсутствии в воинской среде какой-либо специализации, связанной с использованием копья. Кавалерия пользовалась копьём при первой атаке, после которой оно могло сломаться или быть утеряно и тогда всадники пользовались другим оружием – саблём, топориком, кистень, лук со стрелами. При этом нельзя не отметить, что в ямных погребениях часто копьё было единственным оружием, однако для более конкретных выводов необходимо пополнение выборки наконечников копий из ямных погребений.

Наибольшее распространение получили копия с ромбическим сечением лезвия, предназначенные для пробивания доспехов. При этом сосуществовали с ними наконечники с плоским и уплощённым лезвием, эффективные для борьбы с незащищённым доспехом противником.

Истоки форм наконечников копий, бытовавших в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во 2-й половине VIII-начале X вв. прежде всего, следует искать в материалах Северо-Западного Предкавказья предшествовавшего и синхронного времени существования салтово-маяцкой культуры.

Одни формы наконечников связаны с кочевым миром степей Восточной Европы, другие, возможно, имеют местные корни. Вопрос о роли древней мордвы и в целом финно-угорского населения в процессе сложения и эволюции форм наконечников копий салтово-маяцкой культуры лесостепи пока не может быть решён: не ясно предшествовали финно-угорские наконечники салтово-маяцким или наоборот были заимствованы.

Отдел I. Тип I. подтип А.

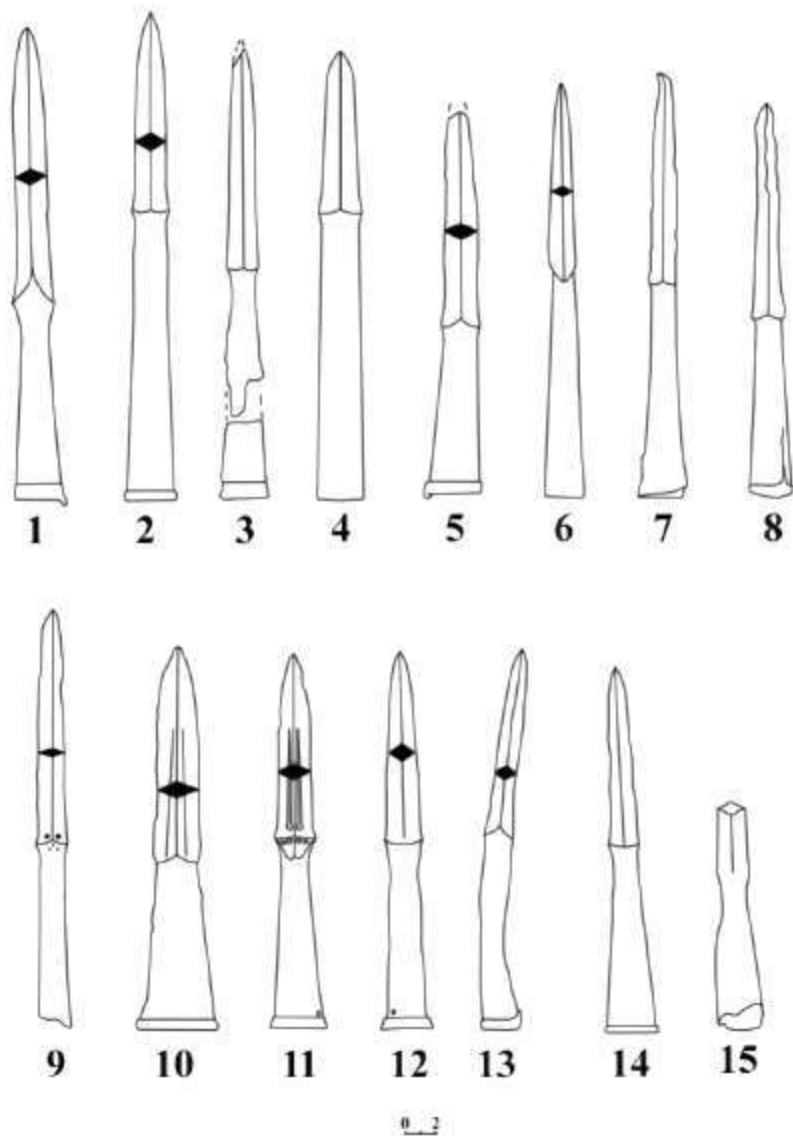
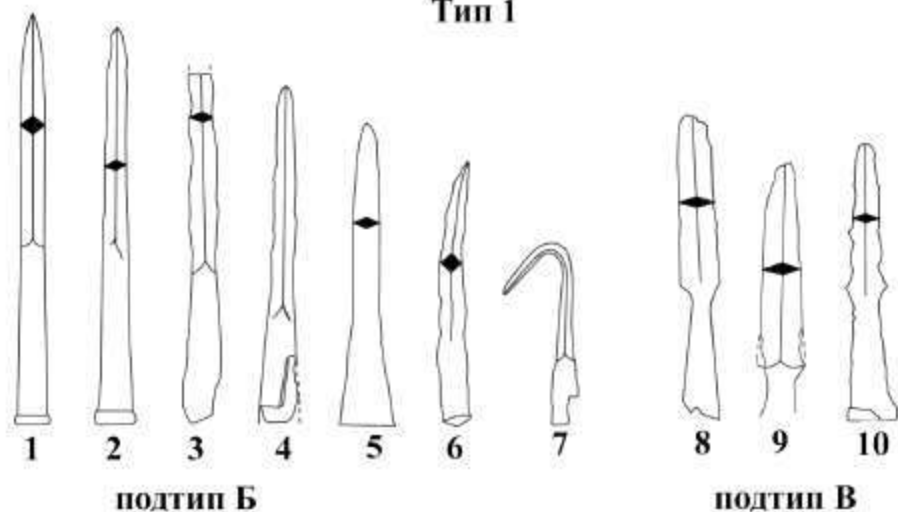

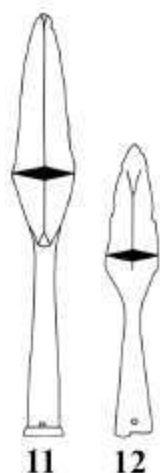
Рис. 1. Наконечники копий. Отдел I. Тип I. Подтип А.

- 1 – Сухая Гомольша, погребение №252; 2 – 1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс №1;
 3 – Лысый Горб, погребение №2; 4 – Нетайловка, погребение №342; 5 – Нетайловка, погребение №522; 6 – комплексе у с. Кочеток; 7 – Сухая Гомольша, комплекс XV; 8 – Новая Покровка, комплекс №2; 9 – Лысый Горб, погребение №1; 10 – Красная Горка, погребение №101; 11 – Сухая Гомольша, комплекс XVI; 12 – Сухая Гомольша, погребение №175; 13 – Сухая Гомольша, комплекс XVII; 14 – Сухая Гомольша, комплекс V; 15 – Сухая Гомольша, комплекс III

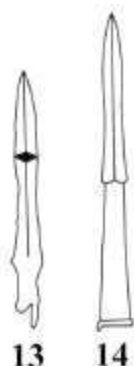
Тип 1

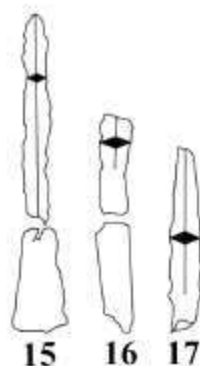
Тип 2

Тип 3

подтип В

0,2

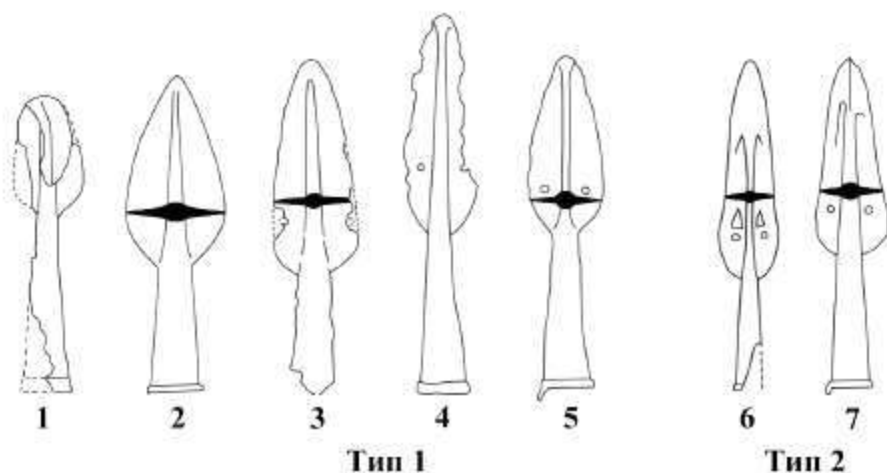
Рис. 2. Наконечники копий. Отдел I. Тип 1. Подтип Б, В; Тип 2-3.

1 – Нетайловка, погребение №525; 2 – Нетайловка, погребение №431; 3 – Нетайловка, погребение 491; 4 – Нетайловка, погребение №371; 5 – Ржевка, погребение №25; 6 – погребение у с. Пятницкое; 7 – Сухая Гомольша, подъемный материал; 8 – Сухая Гомольша, погребение №267 9 – Нетайловка, погребение №413; 10 – Кочетокский могильник, яма №6; 11 – Сухая Гомольша, погребение №233;

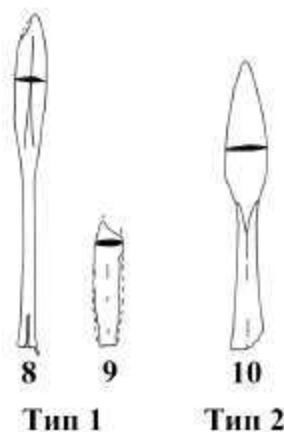
12 – Сухая Гомольша, погребение №60; 13 – Кочетокский могильник, подъемный материал;

14 – комплекс у с. Тополи; 15 – Ржевка, погребение №12; 16 – Кочетокский могильник, погребение №3; 17 – Кочетокский могильник, подъемный материал

Отдел II

Отдел III

Отдел IV

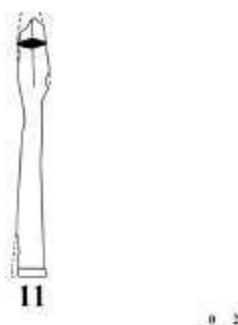

Рис. 3. Наконечники копий. Отдел II-IV.

1 – Лысый Горб, погребение №1; 2 – Нетайловка, погребение №377; 3 – 1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс №3; 4 – Сухая Гомольша, погребение №175; 5 – Сухая Гомольша, погребение №252; 6 – комплекс у с. Сухая Гомольша; 7 – Сухая Гомольша, комплекс XVI; 8 – комплекс у с. Сухая Гомольша; 9 – Нетайловка, погребение №482; 10 – Ржевка, погребение №1; 11 – 1 км от с. Сухая Гомольша, комплекс №3

Таблица 1 – Взаимовстречаемость наконечников копий с оружием и деталями конской упряжи

№	Погребение												
		сабля	топор	копье	кинжаль	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	нож	детали сбрун	стремена	удлила	нагельник
1	Сухая Гомольша №60								+				
2	Сухая Гомольша №175	+	+	+					+	+	+	+	+
3	Сухая Гомольша №175	+	+	+					+	+	+	+	+
4	Сухая Гомольша №233		+										
5	Сухая Гомольша №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
6	Сухая Гомольша №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
7	Сухая Гомольша №267								+				
8	Сухая Гомольша III		+						+	+	+	+	
9	Сухая Гомольша V		+						+	+			
10	Сухая Гомольша XV	+								+	+	+	
11	Сухая Гомольша XVI		+	+					+		+		
12	Сухая Гомольша XVI		+	+					+		+		
13	Сухая Гомольша XVII		+						+	+	+	+	
14	Красная Горка 101						+	+	+	+			+
15	Комплексе у с. Тополи	+	+					+	+				
16	Новая Покровка, комплекс 2	+						+	+	+	+	+	
17	Погребение у с. Пятищюке	+									+	+	
18	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 1	+							+		+	+	
19	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
20	1 км. от с. Сухая Гомольша, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
21	Кочетокский могильник, яма 6	+	+				+	+	+		+	+	
22	Кочетокский могильник, погребение 3		+										
23	Комплексе у с. Кочеток		+				+	+		+		+	
24	Лысый Горб 1	+		+					+	+	+	+	+
25	Лысый Горб 1	+		+					+	+	+	+	+
26	Лысый Горб 2		+						+	+	+	+	
27	Нетайловка 342	+							+				
28	Нетайловка 371						+						
29	Нетайловка 377												
30	Нетайловка 413								+	+	+	+	
31	Нетайловка 431								+		+		
32	Нетайловка 482	+							+	+	+	+	+
33	Нетайловка 491								+	+	+	+	
34	Нетайловка 522								+	+	+	+	
35	Нетайловка 525				+	+		+	+	+	+	+	
36	Ржевка 12	+											

Список сокращений

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиата академии наук СССР.

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова академии наук Татарстана.

КСИА – краткие сообщения Института археологии.

МИА – материалы и исследования по археологии СССР.

СА – советская археология.

САИ – свод археологических источников.

Список литературы

1. Аксёнов В.С., Хоружая М.В., Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002-2004 гг.) // Хазарский альманах. Т. 4. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2005. С. 199-215.

2. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. // Хазарский альманах. Т. 5. / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2006. 306 с.
3. Аксёнов В.С. Новые раннесалтовские погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // Древности. 2010. Вып. 9. С. 166-177.
4. Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Дона // Хазарский альманах. Т. 12. Киев; Харьков: Международный Соломонов университет, 2014. С. 4-33.
5. Алихова А.Е. Материальная культура средне-ининской мордвы VIII-XI вв. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 176 с.
6. Бабенко В.А. Дневник раскопок 1911 года // Труды XV археологического съезда в Новгородѣ 1911 г. Т. 1. М., 1914. С. 446-473.
7. Багаудинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Подлень. XXII век, 1998. 286 с.
8. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М: Наука, 1982. С. 121-165.
9. Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1962. С. 7-111.
10. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 216 с.
11. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. №158. С. 52-57.
12. Иванов А.А. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков: Каравелла, 2002. С. 35-40.
13. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. С. 107-121.
14. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 77-106.
15. Йотов В. Взоруженного и снаряженного от болгарского средневековие (VII-XI век). Варна: Абагар, 2004. 356 с.
16. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 146 с.
17. Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. №2. [Электронный ресурс] URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm
18. (дата обращения: 01. 10. 2015).
19. Копылов В.П. Работы в Ростовской области // Археологические открытия М.: Наука, 1983. С. 120-121.
20. Кочкарков У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.
21. Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк; Изд-во ДонНУ, 2001. С. 395-446.
22. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Днепропетровский государственный ун-т, 1989. С. 98-114.
23. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. №104. / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1961. 385 с.
24. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам письменных источников). М: Наука, 1983. 225 с.
25. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1997. 226 с.
26. Мелкокова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М: Наука, 1964. 118 с.
27. Могильников Е.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. №1. С. 263-268.
28. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М: Наука, 2002. 362 с.

29. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. №142. М.: Л., 1967. 200 с.
30. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII вв). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.
31. Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 195-204.
32. Смирнов А.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск: Изд-во Моршанского краеведческого музея, 1952. 232 с.
33. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Л: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 148-155.
34. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 276 с.
35. Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.
36. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М: Наука, 1971. 172 с.
37. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115-132.
38. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.
39. Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. 1984. №1. С. 123-133.

УДК 902

Д.Н. Горбунов

Топография Ратского археологического комплекса

Аннотация. Статья посвящена публикации новых результатов изучения топографии Ратского археологического комплекса. Проведенные исследования позволяют считать, что разрыв между селищем 1 и 2 отсутствует. На этой части комплекса существовал единый памятник в виде селища X-XIV вв., имевшего размеры 710 x 210-300 м. Также в работе публикуются новые памятники, обнаруженные на территории Ратского комплекса.

Ключевые слова: топография, подъемный материал, селище, вал, погребальный комплекс, древнерусское время, золотоордынское время, керамика, шурф, культурный слой.

Abstract. The article is devoted to the publication of new study results of topography of Ratskiy archaeological complex. The undertaken studies allow to suggest that the gap between ancient settlement 1 and 2 is missing. On this part of the complex there was a single monument in the form of ancient settlement of X-XIV centuries., with the size of 710 x 210-300 m. The new monuments found on the territory of Ratskiy complex are also published in this paper.

Key words: topography, pulled up material, ancient settlement, shaft, funeral complex, ancient Russian time, Golden Horde time, ceramic, pit, cultural layer.

Бесединский археологический комплекс, который также известен в литературе как Ратский, Ратмановский, у д. Городище, располагается на правом берегу р. Рать, между деревнями Городище и Шеховцово Курского р-на Курской области. Он состоит из городища, пяти селищ (селище 1 и 2 у д. Городище, селища 1-3 у д. Шеховцово), а также курганов у д. Городище и д. Шеховцово Курского района Курской области (АКР, 1998, с. 91).

Памятник был открыт и введен в научный оборот в начале 70-х гг. XIX в. Д.Я. Самоквасовым (Самоквасов, 1878, с. 231; 1908, с. 258). В 1947 г. обследование комплекса было предпринято И.И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1961, с. 65, 67). На прилегающей с севера территории И.И. Ляпушкин выделил и описал сопутствующее крепости селище. Встреченный на нем подъемный материал состоял из керамики славяно-русских и ордынских древностей. Кроме этого он отметил, что в северной и северо-западной части селища встречено большое количество человеческих костей.

В 1950-1960-е гг. памятник посещал Ю.А. Липкинг, который при его описании городище назвал Бесединским или Ратским, при этом привел местное название – «Тарелочка» (Липкинг, 1962,